

Элементы экологической этики в религиях Центральной Азии

Коротенко В.А.

Для понимания ситуации, сложившейся в сфере экологии, представляется важным рассмотреть экологические проблемы не только как динамику технологических сдвигов, но и как систему реального жизненного уклада людей, определяющего характер их отношений к природе. Таким образом, можно сказать, что экологические проблемы – это проблемы реализации на практике «экологически верных» жизненных укладов различных людских сообществ, где основным фактором преобразования является человеческое сознание, которое подвержено воздействию различных философско-идеологических систем, многие из которых претендуют на мировоззренческие. Уровень социального развития в совокупности с мировоззренческими тенденциями, преобладающими в данном обществе, формируют жизненный уклад, определяющий практику отношений человека с природой. Во многих своих проявлениях по отношению к природной среде люди придерживаются консервативных рамок, навязанных цивилизацией потребления.

Таким образом, вся совокупность отношений людей с природой будет определяться тем, как человек описывает мир, какие взаимосвязи являются для него наиболее важными. При этом надо понимать, что человек живет не только в реальном мире (мире лесов, озер, гор), но и в символическом мире культуры: мифов, метафор, образов, где, зачастую, более реально то, что «у нас в голове», чем «за окном». Исходя из этого, сложно говорить о реальности включенности человека в Природу, сознание – вне природно, оно знаково. Поэтому следует говорить, что большое пространство жизни человека проходит не в природных сообществах, а в семиотических полях культуры. И в этом свете вопросы религии встают как нельзя остро.

В качестве общих замечаний по поводу отношений религий как знаковых систем и их взаимодействия с миром природы выскажем следующие положения:

- корни религиозных идеологий уходят в древность, когда состояние человеческой популяции было принципиально иным, и вопросы нарушения мирового экологического баланса не стояли так остро;
- основная модель религий определяет характер взаимодействия между людьми;
- зачастую или почти всегда отношения «человек – природа» вообще не в фокусе религиозного сознания и даже самой религиозной системы;
- отсутствие в религиях понятийных полей связанных со спецификой технологической сферы, т.е. развитие техноэры не вписывается в религиозные концепты
- постулирование оестественного круговорота производство-потребление отходов.
- практически ни в одной крупной, полноценной религии не учитываются экологические лимиты и средообразующая функция естественных (диких) экосистем.

Религия по своей сути – вне природная система, и требует наличия сознания. И здесь можно увидеть разрыв между символическим и реальным в экологическом подходе. Получается, что символический тип решения проблемы, предлагаемый той или иной культовой системой, оказывается более значимым для людей, чем разрешение проблемы в реальности.

Человек постоянно старается упорядочить свой мир, давая объяснения, прежде всего религиозные или научные. Через объяснение, перевод явлений в знаковую форму, можно выстраивать систему отношений. Объяснение или описание мира – это начало выстраивания отношений с ним. Вместо слова «мир» мы можем говорить «природа» и таким образом выйти на множество ее описаний. Получается, что за время своего развития человечество, меняя картины описания природы, породило множество «природных этик», их экологичность и структура отношений между человеком и природной средой – различны и даже полярны.

Историческая практика свидетельствует о том, что отношение человека к природе никогда не претерпевало значительных изменений, если не происходило изменение мировоззренческих компонентов нашего мышления, смены наших привязанностей и убеждений. Нам никогда не удастся вплотную связать охрану природы с человеческим существованием, сделать ее нормой человеческого поведения, если не будет сформировано экологическое мировоззрение. Поэтому разрешение экологических кризисов нуждается не столько в практических действиях, разработке новых технологий, сколько в экологическом пересмотре нашей философии, нашей морали. И такой пересмотр мы не без основания связываем с развитием экологической этики как новой науки.

Теперь перейдем к модели описания религий и верований, распространенных в прошлом и существующих ныне на территории Центральной Азии. Центральная Азия традиционно была перекрестьем множества миров, в том числе и религиозных. Здесь в той или иной форме присутствуют практически все мировые религии. Но нам представляется важным остановиться лишь на некоторых из них в контексте нашего рассуждения о взаимоотношении религии и природы.

Христианство представлено в основном православной ветвью и рядом общин протестантского толка.

Здесь четко прослеживается бинарная оппозиция субъект-объект, в которой роль объекта, конечно, отведена природе. Согласно данной этике индивид, человек отделен от мира природы.

Этика христианства гласит: Природа – ловушка и темница для духа, конец большей части мира и спасение меньшей. Мир – одноразовое устройство. Естественное не морально, естественное ближе к сатанинскому. Задача – понять закодированный замысел Бога, с одной стороны. С другой стороны, из-за грехопадения мы теряем рай и не совершенны в своем познании. Христианина эпохи средневековья природа не интересует, для него духовная жизнь более значима, чем жизнь на Земле.

Но после времен Реформации в христианстве начинает строиться другая этическая модель. Так, ссылаясь на то, что в Апокалипсисе говорится про эпоху тысячелетнего царства, формулируется новая задача – строительство рая на Земле. А в понятие «рай на Земле», кроме всего прочего, входит здоровая природная среда. Таким образом, этика меняет свой концепт, природа перестает быть сатанинским началом и с ней уже не надо

бороться как с естественностью, хаосом. Теперь ее нужно сохранять и трансформировать для создания «рая на Земле». Многие современные христианские священнослужители говорят о смиренном и бережном отношении к природе – творению Бога. Библейская тема окружающей среды, прежде всего, это помощь природы в божественном возмездии.

Библия, как свой тысячелетний идеал, поощряет некий симбиоз животных и людей, в котором все живые твари пребывают в мире. Однако, с точки зрения Библии, необходимым условием здоровья окружающей среды является соблюдение библейских заповедей, а не некое специальное этическое отношение к природе или техника охраны ресурсов.

Кроме того, представление об окружающей среде в Библии, об ее благе или порче, привязаны к небольшой территории Среднего Востока с его уникальной географией.

Ислам. При попытке исторической реконструкции можно выделить интересный факт, при сельском укладе, ислам воспринимается как социально замкнутое явление. Осознание себя мусульманами предопределялось, прежде всего, принадлежность к конкретной семейной и родственной группе, к роду или к общине. Религиозная структура почти один к одному повторяла социальную структуру местной общины, надстраивалась над ней. Можно сказать, что мусульманином был не каждый человек в отдельности, а группа соседей и родственников в целом. Ислам проявлял себя в общественных мероприятиях, в семейных и хозяйственных ритуалах, участие в которых для всех было обязательным. В таких ритуалах человеку была строго предназначена своя роль – в зависимости от пола и возраста. В молодости человек мог не читать молитвы, не держать пост, но это не рассматривалось как грубое попрание правил жизни настоящего мусульманина. И наоборот, пожилые люди были обязаны регулярно совершать моления и держать пост, участвовать во всех религиозных мероприятиях. Общественную жизнь женщин отделяли от общественной жизни мужчин.

Мусульманином человек становился по факту своего рождения, а не по отношению к религиозным истинам. Поскольку человек считался мусульманином уже в силу своей принадлежности к той или иной местной общине, то нарушение религиозных правил под каким-либо уважительным предлогом не считалось предосудительным. Не обязательным было наличие четких знаний о тонкостях догматики. В отношении природы ислам во многом похож на христианство, практически не рассматривая взаимоотношения человека с природной средой как значимые.

Эта этика также не способствует выходу из кризиса, поскольку для строительства необходимо иметь соответствующий инструментарий, которого нет. Кроме того, это внешняя по отношению к миру позиция. Сам человек в его мироощущении был выведен за пределы мира.

Также в Центральной Азии можно выделить следующие этико-религиозные течения природного толка: тенгрианство, шаманизм, а так же старые дуалистические религии зороастризм, митраизм.

Тенгрианство – это, наверное, одна из самых древних религий на планете, оформившаяся как философское учение еще в 4-м тысячелетии до н.э. Оно стало «матерью» семитских и индоиранских религий и заметно повлияло на древнеегипетские культы.

Тенгрианство опирается на два начала: Тенгри (Небо) и Умай-эне (Мать-Земля). Тенгри. Великое небесное божество, почитаемое тюрками с древних времен до наших дней. Верившие в него считали: «Человеческие сыны все рождены, чтобы умереть в

установленное Небом время». Тенгри был не один – по преданиям, на мировой горе обитало 9 Тенгри.

Самые торжественные церемонии жертвоприношений связаны с небесным духом-хозяином. Каганы древних тюрок возглавляли ежегодные общественные моления Небу. Исповедовавшие тенгрианство казахи и кыргызы, как и их предки, с рассветом поклонялись Солнцу. Отождествляя Тенгри с небом, кыргызы называли весь Тянь-Шань Тенгри-Тоо.

При этом человек является равноправной частью Природы и не является эманацией божественного, он есть тот, кто должен удержаться в рамках той свободы, которым его наделило Небо, небесное божество. Таким образом, человек, становится более органичен природе, чувствителен к естественным циклам. Акцент ставится на том, что мир священен в своих природных проявлениях: воде, огне, камне, дожде, почве и т.д. Социальная жизнь и отношения не противоречат Естеству Мира.

Митраизм, культ Митры, его еще называют Сакский Митраизм – это политеистическая религия, существовавшая, по современным данным, начиная с первого тысячелетия до н.э. и вплоть до раннего средневековья, среди народов Центральной Азии. Центральное божество – Митра. Базовыми являются понятия Правды и Союза. Эти категории рассматриваются не только в социальном плане. Союз имеет место не только между людьми, но и между Человеком и Природой. В этом свете Союз выступает как проявление Бытия, а не человеческой морали. Так, в Джасак – изречениях Чингисхана, (дошедшие в переложении армянских, персидских, китайских и позднемонгольских источников) говорится: «Смерти повинен осквернивший воду и огонь». Вода и огонь здесь выступают как священные проявления природного естества.

Но еще яснее проявляется кочевая подкладка жизни, на которой возникла авестийская религия. Верования, сказания и обычаи пастушеского народа обнаруживаются на каждом шагу в этом священном писании в удивительной связи с абстрактной догматикой и высокоразвитой этикой заратустризма(зороастризма). Святость коровы и собаки для зороастрийца столь же незыблема, как и святость самого Ормузда; они святы не только в том смысле, что их смерть есть несчастье, их убийство – оскорбление святыни, но с теми животными связаны такие мифы и обычаи, из которых достаточно ярко выясняется вера в их сверхъестественную силу.

Едва ли также можно различить в Ормузде сторону, связывающую его с природой: то, что его пребывание находится в царстве Света, и что он вообще содержит в своей власти целебные силы природы, далеко еще не делает его богом природы и еще менее силой природы, и обычное представление, будто бы Ормузда с Ариманом представляют собой борьбу между светом и мраком, находит для себя в Авесте лишь незначительную опору.

Духовная сущность Агура-Мазды состоит, прежде всего, в совершенном познании, т.е. в правильном различении между добром и злом, как чаще бывает выражено, между правдой и обманом. Через эту способность он преобладает над злом, слабость которого изображается как противоречие и самообман. Три понятия: святость, чистота и справедливость – образуют в Авесте нераздельное единство.

В Туркестане было много пересечений различных культур, и некоторые остатки кочевых этносов в своем основании имеют шаманизм. Шаман является посредником между нашим

миром и миром духов. Все в природе имеет духовный, высший аналог. Базовая система этой практики вписывается в естественные природные циклы.

Культ природы (и это подтверждается развитием современной природоохранной деятельности) был чаще всего культом тех природных ресурсов и явлений, которые имели наибольшее значение для жизни того или иного племени или нескольких племен. Отношение к святым урочищам и некоторым видам растительного и животного мира, почитавшимися некоторыми народностями, определялось сложной системой табу и запретов, представляющий собой древний способ регулирования отношений людей с природой.

В сочинении “Зийф ал-кулуб” (1603 г.) сравнительно подробно описано языческое капище киргизов (бут-хана). Это было дерево, на котором развешивались идола, сделанные из дерева и камня. Наиболее почитаемый и наиболее крупный из них был сделан из серебра. Всего на дереве было размещено, якобы, две тысячи идолов. Поклоняясь дереву, киргизы обращались к идолам за помощью при различных нуждах и, в частности, за исцелением больных. При этом приносились жертвы. Идолам подносили по маленькому кусочку от каждой части жертвенного мяса.

Обобщая вышесказанное, следует учитывать, что этические конструкции не являются чем-то монолитным, единообразным. Зачатую сознание человека является мозаичным и включает в себя причудливым образом переплетенные структуры различных этических традиций. Так, по замечанию итальянского философа, провозвестника практической истории А.Граммши: «По своему мировоззрению человек всегда принадлежит к определенной группировке, и именно к той, в которую входят все социальные элементы, разделяющие тот же, что и он, образ мысли и действий. Когда мировоззрение не критично и последовательно, а случайно и бессвязно, человек принадлежит одновременно ко множеству людей-масс, его собственная индивидуальность причудливо пестра: в ней уживаются элементы, роднящие его с пещерным человеком, и принципы новейшей и передовой науки, пережитки всех ушедших в прошлое локальных исторических фаз и интуитивные зародыши будущей философии всемирно объединенного человечества. Поэтому критиковать собственное мировоззрение – значит придать ему единство, последовательность и поднять его до той высоты, которой достигла самая передовая мысль мира».

В этом свете вопрос о том, каким образом создать новую этику и какое место в этом процессе будет занимать образование, становится чрезвычайно важным. Необходимо, чтобы в принятии своих собственных решений учитывался компонент устойчивости, чтобы формировался язык, с помощью которого люди понимали бы что, то, что я делаю сегодня, отразится не только на завтрашнем дне, но и на послезавтрашних ситуациях, чтобы экономика становилась экологически сенситивной, чтобы пришло понимание, что без живого вещества мы не можем жить. У доминирующих сегодня культур сформировался «язык потребления» природы, а «языка сохранения» нет. И здесь экообразование может выступить в качестве символа надежды, в качестве того, что может помочь сформировать этот язык – основу для удержания нового класса проблем, т.е. мы должны заниматься созданием специфического «метафорического пространства».

---

1 Граммши А. Тюремные тетради. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 26.

